

лись, как бы старший брат, богатый холостяк,⁵ не привязался к этой красавице, совершили по отношению к ней многое такое, о чем лучше не говорить. Когда старый холостяк умер, оказалось, что по завещанию он щедро наделил своих двух братьев и удергнул четырем сестрам. Пошла толка. Семья оказала честь Конрару, обратившись к нему за советом. Тот спрашивает у Патрю, как, по его мнению, надлежит поступить ему, Конрару, который благодаря своей жене имеет те же права на наследство, что и остальные. «Э! — ответил Патрю, — здесь судить и решать не вам: вы себе не должны брать ничего; братьям пристало распорядиться имуществом, как им заблагорассудится». Но Конрар, не в обиду ему будь сказано, взял себе столько, сколько и другие; братья, которые полагали отделаться дешево, были поражены, увидев, что Конрар не пожелал ничем отличаться от остальных родственников, однако не стали спорить и только решили не дарить Конрару штофных обоев и других вещей, кои они ранее ему предназначали. С этого дня г-н де Барре преисполнился величайшим почтением к Патрю и пожелал стать его другом, а затем и моим.

Конрар, надо сказать, находил, что его невестка де Барре очень мила. Она и в любом другом обществе считалась бы хорошенькой, но в этой обездоленной семье была поистине солнечным лучом. Повачалу Конрару вздумалось обращаться с нею свысока. Ему хотелось, чтобы она видела в нем своего наставника, своего покровителя и без него шагу бы не делала. Женщина эта, будучи похитрее, чем он, не противоречила ему, но поступала по-своему, однако с осторожностью, ибо имела дело с одной из самых глухих семей на свете. Как-то раз она, любезно согласившись пойти на прогулку с ним, с Саффо⁶ и с другими умниками «Субботнего кружка», обмолвилась, сказав: «Мне дали *поить*». «Так не говорят, — заявил он менторским тоном, — надо сказать: *поест*». Это замечание ее несколько ошеломило, и, поскольку у нее не было ни малейшей склонности изображать из себя ученую женщину, она не пожелала больше гулять со всеми этими дамами. Хотя Конрару это пришлось и не по вкусу, он не отказался от попыток подчинить себе сей строптивый ум. Однажды ему вздумалось приобрести портрет своей невестки, ибо он кичливо повторяет на каждом шагу, будто у него есть портреты всех его приятельниц. И вот как-то поутру он посылает к г-же де Барре свою жепу, чтобы сообщить ей, «что де г-н *Конрарт* (так жепя произносит его имя на валансеньский манер: она родом из тех мест) не спал всю ночь, так ему не терпится получить ее портрет». И г-же де Барре пришлось тут же заказать свой портрет указанному Конраром дорогому художнику и заплатить ему немалые деньги. Он и дальше продолжает ее тиранить: так, ей приходится постоянно ездить к нему с визитами, в ради своего мужа она это делает; но в душе она жестоко потешается над г-ном секретарем Академии. Вы только взгляните на этого кавалера: я видел, как он подпиливает себе ногти и тут же, на глазах у всех, вы-